

УНИВЕРСИТЕТ И ФОРМИРОВАНИЕ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

С. С. Аванесов

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Россия
iskiteam@yandex.ru

Пленарный доклад на III Международной научной конференции
«Визуальная антропология – 2019. Город-университет:
жизненное пространство и визуальная среда»
Великий Новгород, 28 августа 2019

В докладе проясняется позиция университета в современном городе. Рассмотрены соотношения города и университета как культурно-антропологических конструкторов, выражающих собой экзистенциальный порядок человеческого существования. Изложена роль университета в создании, структурировании и трансформации культурного пространства города, а также его миссия: формирование антропологической реальности. Аргументирована позиция открытости университета городу и города университету. Исследована перспектива преодоления университетом строгой локальной привязки к определённому месту в перспективе осмысления и визуального структурирования городского пространства в целом. Обозначена перспектива взаимной прозрачности и слияния города и университета в контексте решения общей задачи гуманизации обитаемого пространства.

Ключевые слова: город, университет, обитаемое пространство, визуальная среда, пространственная локализация, гуманизация урбанистики.

UNIVERSITY AND FORMATION OF URBAN REALITY

Sergey Avanesov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia
iskiteam@yandex.ru

Plenary report at the III International Scientific Conference
“Visual Anthropology – 2019. City-University:
Living Space and Visual Environment”
Veliky Novgorod, August 28, 2019

This report clarifies the position of the university in the modern city. The relationship between the city and the university as cultural and anthropological

constructs expressing the existential order of human existence is considered. The author defines the role of the university in the creation, structuring and transformation of the cultural space of the city. The article formulates the university mission, which is the formation of anthropological reality. The position of openness of the university to the city and the city to the university is argued. The prospect of overcoming the university's strict local binding to a specific place in the perspective of understanding and visual structuring of urban space is investigated. The author outlines the perspective of mutual transparency and the merger of the city and the university in the context of solving the general problem of humanization of habitable space.

Keywords: city, university, inhabited space, visual environment, spatial localization, humanization of urban studies.

DOI 10.23951/2312-7899-2019-3-268-276

Уважаемые коллеги!

Наша конференция посвящена поискам ответов на вопросы, связанные с проблемой присутствия в едином жизненном пространстве двух таких сложных и многоплановых феноменов, как город и университет. Это пространство является пространством *человеческого* существования и потому несёт на себе визуальные признаки бытия человека: логичность, историчность, аксиологичность, креативность, целесообразность. Все эти параметры так или иначе зафиксированы в формах планировки города и в его архитектурных композициях, в сочетании зодчества и ландшафта, в структуре городской территории, в регулярности самого устройства городской жизни. Соответственно, это же самое пространство, выражающее собой и закрепляющее в себе ориентиры и принципы человеческого способа быть, оказывает ориентирующее, формирующее, *педагогическое* воздействие на тех людей, которые в этом пространстве организуют свою сознательную жизнь и строят свою биографию. Город представляет собой пространство непрерывного творческого самовыражения и самосозидания многочисленных поколений его жителей, и чем длиннее история города, тем сложнее и насыщеннее смыслом его культурное пространство. И в этом процессе созидания культурной среды, формируемой человеком и одновременно формирующей человека, университет играет ведущую роль.

Университет – это такая общественная институция, которая аккумулирует значительный опыт, связанный с образованием, просвещением, наукой, политикой и сохранением культурного наследия.

Именно университет формирует вокруг себя пространство, «создающее идентичность, формирующее связи и имеющее отношение к истории» [Оже 2017, 84–85]. При этом надо помнить, что университет в этих своих функциях наследует как античной Академии, так и христианскому монастырю, а потому в формах и направлениях своей деятельности никогда не может оторваться от этих корней и никогда не сможет, оставаясь самим собой, противопоставить себя этим своим истокам. В университете встречаются друг с другом Академия и монастырь с их традициями исследования и обучения, мышления и воспитания, свободы и дисциплины, диспута и прогноза. Даже форма университетского кампуса легко воспроизводит собой монастырское пространство с его заглавными воротами, собором-доминантой, трапезными, кельями и клуатрами. «Самое безоглядное новаторство сегодня зачастую выглядит рекультивацией ценностей “традиционных” эпох. Новый расцвет университетов в XXI веке может быть связан с “римэйком” средневекового зодчества, когда университеты в Европе только зарождались» [Пак 1998, 126]. Миссия университета близка сакральному творчеству (творение человека и мира), поэтому университет непринуждённо именуется «храмом науки» и выглядит (с своих *классических* версий) как место священнодействия, а не власти, развлечения или бизнеса.

В настоящее время (как, впрочем, и в любое другое) университет остаётся единственной социокультурной «площадкой», которая обладает реальными условиями для интеграции различных способов мышления, разных типов научной и интеллектуальной деятельности, вариативных антропных практик («практик себя»), а самое главное – для плодотворного и взаимно усиливающего сочетания здорового консерватизма («традиционности») и инновационного развития. Эти две стороны университетской полноты жизни не могут быть оторваны одна от другой без потери самого понятия и самой сути университета. Сосредоточенность на одной традиционности превращает университет в гетто; редукция всей полноты жизни к одной лишь инновационности и «современности» превращает университет в красивый и пёстрый хвост кометы, который всегда плетётся позади сиюминутных трендов и мод.

Призывы к открытости современного университета означают скорее не инновацию, а возвращение на исходную позицию. Это призыв к университетам стать опять теми точками общего роста, какими они и были изначально. Именно университет задавал высшую планку мышления, мировоззрения, науки, этики, просвещения и корпоративной культуры. Университет возвращал личность

и развивал общественность, вырабатывал стандарты мышления и формировал вкус. Университет был той точкой общества, в которой оно самообразовывалось и росло. Университет был не «рядом» с обществом (в том числе с городским), он был его лучшей частью. Поэтому когда современный университет становится *открытым* (городу, обществу, миру, будущему), он становится *собой*. В этой открытости университет соответствует своей *идее*, а значит современный университет остаётся университетом в том же смысле, что и античная Академия, монастырский аскетерион или средневековый европейский университет – Сорбонна или Оксфорд.

Открытость университета миру и обществу составляет суть самой его «консервативности». Университет, собирая в себе материальные и нематериальные ценности культуры, не скрывает их под спудом; он собирает их, чтобы сохранить и сделать доступными, *открытыми* для всех последующих поколений, позиционируя себя в качестве пространства *социального анамнезиса*. Иначе говоря, университет – это веками отработанная система сохранения культурных богатств и доступа к ним; без такой системы сохранения и доступа культурные богатства были бы навсегда утрачены. В этой своей функции университет сотрудничает и отчасти срастается с музеем и библиотекой, истоки которых также лежат в Академии и монастыре.

В этой связи уместен вопрос: насколько университет является строго ограниченной, «определённой» институцией со своим собственным отдельным пространством и насколько он естественным для себя образом *заступает за границы* этой определённости? Насколько его границы являются прозрачными и до какой *степени* распространяется эта прозрачность, транспарентность? Насколько неизбежным является взаимопроникновение университета и школы, библиотеки, музея, театра? Наконец, насколько университет «проникает» в тот город, в котором он географически расположен, и насколько этот город проникает в него?

Ответ на эти вопросы становится более или менее *очевидным*, когда мы имеем в виду, что ни университет, ни город не обладают строгими границами. Даже средневековый город, обнесённый стеной, регулярно преодолевал это ограничение, выступая за свои пределы благодаря монастырям и посадам. Тем паче такое положение дел имеет отношение к нынешнему городу. «Современные города всё более становятся конструкциями с плавающими границами» [Смирнов 2019, 54]. Город не имеет устойчивой и однозначной внешней границы: административная граница города проведена на

карте, а не в реальности. Но и внутри себя город является динамичной системой сообщающихся пространств, локальных институций, которые накладываются одна на другую и «перетекают» одна в другую. Одно и то же пространство может проявляться и как административное, и как мемориальное, и как учебное, и как праздничное – в зависимости от его «активации» в конкретное время и в конкретном контексте (например, Софийская площадь в Новгороде). Учитывая эту динамику, которая в случае города и университета развивается на встречах курсах, мы можем констатировать, что сегодня речь об университете *в городе* («одно в другом») уже является неточной, неадекватной, не способной ухватить всю полноту их взаимного соотношения. На смену этой неполноте должен прийти дискурс города-университета, содержанием которого должна стать двуединая система, в которой город определяется через *его* университет, а университет реализуется через *его* город. Университетский город должен пониматься не как город, в котором «помещён» университет, но как город-университет, как двуединая неразделимая социокультурная система.

Итак, сегодня университет надо рассматривать не как нечто *расположенное* в городе и тем более не как нечто *дополнительное* к нему (что можно убрать из города без последствий для существования последнего), но как *непрерывное условие его наличия* в качестве города, как его *смыслообразующий* драйвер. Если город не будет перманентно воспроизводить смысл своего существования, своего наличия на культурной карте страны и мира, то его биография прервётся, а он сам превратится в героя исторической хроники или некролога. Экономические, политические, демографические и прочие успехи города выводятся из того основоположного *смысла* его бытия, за сохранение которого несёт ответственность именно университет.

С этой сферой ответственности университета связано определение его целей и его миссии. Миссия университета является основанием для выдвижения целей. И если цели университета определяются как вынесенные в будущее позитивные результаты деятельности, то его миссия – это формирование такой социокультурной реальности, в которой эти цели являются значимыми. Целями определяется стратегия университета, миссией – его философия. Именно философия университета, закреплённая в его миссии, объясняет нам, *во имя чего* мы должны достигать поставленных целей. Подлинной миссией университета должно быть **формирование человеческой реальности**, что означает перманентную работу, направленную на то, чтобы переводить окружающую среду из состоя-

ния абсурда и хаоса в состояние осмысленной упорядоченности, препятствовать энтропийным тенденциям в обществе и культуре, придавать реальности смысловые, ценностные координаты. В наше время множественности реальностей университет – это единственный медиатор различных реальностей (культурной, коммуникативной, медийной, экономической, повседневной, приватной, мистической, литературной, художественной и т. д.), удерживающий на себе общее пространство их сосуществования и корректного взаимодействия, *пространство солидарности*.

Только так понимая и реализуя свою миссию, университет способен преодолеть губительные для него узкую функциональность и институциональную предопределённость, которые превращают его в предприятие по производству «образовательных услуг». Он должен пройти обратный путь от предприятия, предоставляющего услуги, до сетевой многоплановой системы, определяющей состояние реальности. Если университет отвергает открытость городу во всех его проявлениях, он превращается в закрытую бизнес-корпорацию и тем самым теряет свой общезначимый *культурный* статус. При этом университет исторического города должен соответствовать его *культурному уровню* (в аксиологическом плане), а не его «современному» состоянию (на уровне факта). Так и нынешний город сможет *подтянуть* себя до этого уровня. Опираясь на университет, а в перспективе и сливаясь с ним, город получает *осмысленность* и *перспективу* собственного существования.

Поскольку город – это не просто множество материальных объектов и физических коммуникационных сетей, но прежде всего – *особая форма существования человека*, постольку антропологические (гуманитарные) аспекты и контексты являются наиболее существенными для адекватного понимания и нормального функционирования городской среды. Этот тезис имеет и более глубокий, философский смысл: урбанистика является концентрированным выражением специфически человеческого бытия, поскольку именно человеку свойственно не приспособливаться к среде, а менять её «под себя» (откуда все идеологии и вся проективность человеческой деятельности). Город – это не способ адаптации человека к наличной естественной среде, а форма творения среды по своему «образу и подобию» (в том числе – по образу и подобию своих убеждений, предпочтений, принципов, вкусов, идеалов и ценностей). Практики образования человека, *разворачивающиеся* в городском пространстве [Смирнов 2019, 45], одновременно и *разворачивают* (актуализируют) само это пространство в координатах не столько места, направления

или географической ориентации, сколько в ориентирах культуры, памяти, самосознания и идентичности. По большому счёту, никакого иного пространства (физического, математического, философского) в реальном человеческом опыте *нет*. Университет, призванный формировать жизненную среду (человеческую реальность), оказывается действующим по тому же вектору, что и город: он является драйвером специфически *антропологического* действия, создающего человеческий культурный космос.

Визуальная среда, окружающая человека и выражающая собой его *первую* – культурную – природу, оказывает на него и формирующее, и ориентирующее, и прямое психологическое воздействие. Поэтому для города так важна его визуальная экология, благополучие его облика, позитивное влияние жизненного пространства на его обитателя и посетителя. Нельзя игнорировать и воспитательное воздействие визуальной среды, её повседневное влияние на формирование поведения и вкуса. Сам *вид* города – это эстетическая ценность, итог многовековых трудов поколений горожан и *общее достояние*. В городских ансамблях и ландшафтах нам даны видимые «скрепы» поколений, явлена *очевидная* культурная преемственность; в них мы можем и должны видеть формы сохранения присутствия ушедших поколений в актуальном культурном процессе и, следовательно, способ продолжения истории.

Учитывая такое положение дел, мы должны признать, что сегодня сохранение и трансформация городской среды должны перейти из разряда технических действий в разряд культуuroобразующих практик. Это означает, что любое действие такого рода должно *включать в себя* (а не сопровождаться «по мере возможности») гуманитарным анализом проекта. Культурно-гуманитарная экспертиза, опирающаяся на ресурс университета, должна стать *обязательным* элементом любой градостроительной или предпринимательской инициативы. Если мы хотим некоторого «Б» (высокой культуры жизни, комфортной среды обитания, интереса со стороны инвесторов, туристов, креативного класса и т. д.), то мы обязаны делать вполне определённое «А» (произвести *гуманитаризацию* урбанистики). Это жёсткая зависимость, которую невозможно обойти или перехитрить.

Достоинство и привлекательность города зависят от того, как он себя *покажет*. И здесь важно, чтобы «бренд» и «имидж» не оказались в резком и удручающем контрасте с реальным обликом, чтобы яркий и сильный медийный образ не входил в противоречие с неприглядностью и «беспризорностью» городской территории. При

этом забота о городской внешности не должна перерастать в производство видимостей, в господство иллюзионистского дизайна, скрывающего архитектурные руины или хронический долгострой.

Критическое отношение к городской среде, особенно полной разрывов и недостатков, может быть двояким: либо отрицание (позиция, основанная на взгляде извне), либо коррекция (заинтересованность, основанная на взгляде изнутри). Настоящий патриотизм соответствует второй позиции. Такого рода патриотизм и должен формироваться университетом.

Университет – ещё и хранитель *кодов*, благодаря которым прочитывается (а значит, наличествует в нашем опыте) само городское пространство как система смыслов, оставленных нам в наследство поколениями наших предшественников, делается осмысленным и связным *текст города*. Марк Оже пишет: «За равномерным течением часов и наиболее примечательными чертами ландшафта мы находим слова и язык: особые слова литургии, того самого “древнего обряда”, противопоставленного “пёстрой суете” улиц; а также слова всех тех, кто, говоря на одном языке, признаёт свою принадлежность к одному миру. Место выражается в слове, в многозначительном обмене паролями, в соучастии <...> слушателей» [Оже 2017, 84]. Именно благодаря университету город сохраняет свои коды и смыслы.

Город сегодня во многих случаях сливается с университетским кампусом. По мнению многих современных исследователей, «именно модель города-кампуса становится оптимальной», поскольку в случае её реализации «репертуары антропопрактик, их связность и многообразие выступают стержнем, крепящим образование как институт и город как пространственную культурную форму» [Смирнов 2019, 56]. Но при этом всё же сохраняется вопрос: возможна ли единая и *единственная*, «универсальная» [Смирнов 2019, 52–53], инвариантная модель университета? Или единство миссии не противоречит реализации этой миссии в различных, вариативных формах?

Если университет в отношении города должен находиться (обнаруживать себя) повсюду, то это значит, что мы уже не можем обозначить его «собственное» место в городе, его собственную выделенную и специфическую «площадку». Геометрия университетской территории теряет определённые очертания, эта территория становится диффузной и в некотором смысле «утопической». Место и утопичность сочетаются в способе пространственной организации современного университета. В конечном итоге, университет – это *не место*, а способ организации пространства существования.

Не-место в современной антропологической урбанистике (Мишель де Серто, Марк Оже и др.) понимается прежде всего как пространство транзитного пребывания (супермаркет, транспортный маршрут, отель, общежитие, зона банкоматов и т. п.), как пространство *одиночества в толпе*. Университет, будучи утопическим в другом, противоположном смысле, организует «транзит» города и человека, обитающего в нём, из прошлого – в будущее, из аморфности – в идентичность. Современному не-месту университет возвращает культурное качество *осмысленной территории*, то есть пространства в его подлинном, *человеческом* измерении.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Оже 2017 – Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / Пер. с фр. А. Ю. Коннова. Москва, 2017.
- Пак 1998 – Пак В. А. Анализ экоморфных ситуаций и их адекватное разрешение в архитектуре. Новгород, 1998.
- Смирнов 2019 – Смирнов С. А. Город-кампус, или Образовательное пространство города. Методологический конструкт // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4. С. 44–59.

Материал поступил в редакцию 28.08.2019